

Диана ВИШНЕВА:

Москва ждет, чтобы я споткнулась

В Москве продолжаются гастроли балета Мариинского театра. Наконец-то столичные балетоманы смогли увидеть петербургские версии «Лебединого озера», «Жизели», «Баядерки», «Дон Кихота» на сцене Большого театра. Можно спорить о том, насколько актуален сегодня репертуар Петербурга, но несомненно высоки качество постановок и уровень артистов Мариинского театра. Одной из самых ярких звезд труппы является Диана Вишнева...

— Как вам Москва? Как вас здесь принимают?

— Прием, конечно, очень теплый. Но я так никогда не волновалась и не боялась зрителей, было так трудно выйти на сцену. Я боялась, что споткнусь и услышу хохот из зала. Казалось, все только этого и ждут. Было очень страшно, очень.

— Вы думаете, Москва желает, чтобы петербуржцы споткнулись?

— Почему нет?! Может быть, это неосознанно происходит: они болеют за Большой театр так же, как питерцы болеют за Мариинку. Хотя и говорят вслух, что соревнования нет, но так было и в Париже, и в Нью-Йорке. То же самое в самом театре в отношениях между балеринами. Иначе быть не может — тогда не будет просто никакого стимула в работе. Слава Богу, что у нас все балерины разные. Тем не менее всех сравнивают, обсуждают — театр гудит.

— А как вас принимали в Париже, в Нью-Йорке?

— В Париже я побывала впервые еще в училищем, когда мне было 12 лет. Дети из СССР не знали тогда, что такое «Сникерс». Смешно все это вспоминать — родители боялись, как бы дети не сошли с ума от тамошнего изобилия. Я приехала — глаза разбегаются, хотя безумного удивления не было. Сейчас ездить очень интересно: живешь там полной жизнью, знакомишься с людьми, делишься впечатлениями о балете, модерне. Хорошо, что границы открыты. Но я никогда не хотела бы жить где-нибудь, кроме России.

— Семья вас поддерживает?

— Я только сейчас начинаю понимать настоящему, как важна эта опора и поддержка. Родители с удовольствием приходят на мои спектакли — я и в Москву их пригласила. У меня есть еще старшая сестра, которая в отличие от меня хотела танцевать, но у нее некоторые проблемы со зрением, поэтому сейчас всерьез занимается языками.

— А вы танцевать не хотели?

— Я долгое время вообще не знала, что такое балет. У нас в роду никто не танцевал. Танцевать в балете мечтала мама. Она и уговорила мою бабушку отдать меня в балет. Кстати, с хореографическим училищем у меня были проблемы. Смогла поступить только на третий год. Туда приходят с природными данными, а я тогда была «гадким утенком» — у меня была лишь «танцевальность».

— Вы пришли в балет, чтобы показать силу характера?

— Я верю в судьбу, но судьба не станет дарить подарки просто так: за все надо платить. Я всегда чувствую эту силу. Когда ошибаюсь, она мне подсказывает: ты не права.

— А как вы относитесь к собственной славе?

— Сегодня мне говорят — к тебе так рано пришла слава, тебе все так легко дается. Но никто не задумывается над тем, сколько приходится для этого работать. Никто не задумывается, что каждый раз ты выходишь на сцену — и попробуй не оправдай свой статус. С другой стороны — как же не радоваться этим наградам, если награды — результат твоего труда. Хотя награды — радость на один день.

— В Мариинском театре вы уже третий год, а как вы попали туда?

— Еще на втором курсе худрук балета Олег Михайлович Виноградов захотел посмотреть молодых учеников. Он отметил меня и Софью Гумерову и уже тогда взял нас в качестве стажеров. В тот же год я поехала на конкурс в Лозанне, откуда привезла золотую медаль. Ехали туда с одной мыслью: не опозориться бы! Ведь там такой уровень... Мы почувствовали себя маленькими цыплятами, которых бросили в воду, чтобы научились плавать. Конкурс научил меня многому — самостоятельности прежде всего, ответственности за свою школу. Долго не могла поверить, что я получила золотую медаль, — все было, как во сне. Равовалась лишь, что не подвела своих педагогов. А в Питере как встречали! Это была сенсация. Я со страхом думала: «Что же дальше?» Потом предложили на третьем курсе танцевать Китри в балете «Дон Кихот» — я была в шоке. Такого не было в истории, чтобы 16-летняя девочка танцевала сложнейший четырехактный балет. Я приходила в зал в 9 утра и в девять вечера уходила рыдая. Каждый час я делала крохотный шаг вперед, казалось, ничего не получается, и все-таки получилось!

— Вам 21 год — многим ли приходится жертвовать ради балета? Наверное, есть какая-то диета...

— Это не проблема. У нас в семье все были худенькие, да и при такой работе особенно не поправишься.

— А личная жизнь, общение с друзьями?

— В этом плане, конечно, сложно. Здесь тоже надежда только на судьбу. С другой стороны — жизненные переживания помогают на сцене. Я всегда выхожу на сцену с настроением, с которым живу. Хотя, к примеру, на этих гастролях я пришла в театр перед «Дон Кихотом», и мне хотелось расплакаться. Нужно было все забыть и внестись себе: есть только сцена и я. Я — Китри. Но бывает и другое. Бывает, чувствуешь себя счастливой, и эту радость готова подарить со сцены всем. Каждая роль по-своему близка. «Ромео и Джульетта» — для меня определенный этап. Никто не ожидал от меня такой Джульетты. Я сама не ожидала.

Коронная роль Дианы Вишневой — Китри в «Дон Кихоте».

Нужно было просто вывернуть себя наизнанку. С тех пор я больше обращаю внимание на драматические роли, на психологические стороны образа. Для карьеры балерины важно, чтобы на нее ставили балеты. Очень хочу танцевать модерн.

— Что для вас значит балет?

— Мама как-то сказала: «Балет — твоя профессия». Я же никогда так не считала. Если завтра не будет балета, буду жить другой жизнью. У меня еще такой возраст —

кажется, что становится все труднее и труднее. Иногда думаешь: может быть, уйти, пока не поздно, начать всю жизнь сначала. Никто этому не верит. Живешь с мыслью: а что же дальше, ведь нельзя же поднимать планку каждый раз. Иногда хочешь вырваться — уехать, забыть, но тебя всегда возвращают, возвращают. Вокруг меня балет — всегда и везде.

Михаил МАЛЫХИН.
Фото Александра КОСИНЦА.